

В морском царстве, в сказочном государстве
осталась проклята одна сестра...

С
ДОМ
КОРНЕЙ
И
РУИН

Эрин А. Крейг

Erin A. Craig

HOUSE
OF ROOTS
AND RUIN

Эрин А. Крейг

ДОМ
КОРНЕЙ
И РУИН

*Посвящается Полу.
В мире сомов ты всегда будешь
моей апаимой.
Я люблю тебя.*

КИСТОЧКА БЫЛА СЛИШКОМ влажной. Краска собралась в пучке из кабаньей щетины и капала, образуя неровные пятна, размывая линию, которую мне хотелось бы видеть четкой.

— Пстой, — прошептала я, едва шевеля губами, и протерла кисть тряпкой, чтобы не упустить волшебство момента. — Еще одну минутку.

Уголки губ Арти дрогнули, словно он изо всех сил сдерживал улыбку.

— Я почти закончила, — сказала я. — Только... — Я еще раз провела кистью по холсту и запечатлела огоньки беспечного веселья в глазах моего племянника. — Вот. Теперь готово.

— Дай посмотреть! Дай посмотреть! — закричал Арти, нарушая тщательно выверенную позу и вприпрыжку подбегая к мольберту.

— Но это совсем не похоже на меня. Разве нет? — нахмурился он.

Я окинула портрет критическим взглядом и снова взглянула на маленького мальчика перед собой. Волны темных густых волос — как у меня и как у большинства Фавмантов — и папин курносый нос.

— А мне кажется, похоже.

— Даже очень, — раздался голос у нас за спиной.

— Мама! — воскликнул Арти и бросился обниматься. — Уже можно идти?

Камилла подняла брови, спрашивая моего разрешения. Я отложила палитру и кивнула:

— Можно.

Камилла быстро поцеловала его в макушку, и Арти выбежал в коридор: теперь наконец-то можно выпустить накопившуюся энергию!

— Как он? — спросила Камилла, входя в Голубую гостиную, чтобы внимательнее рассмотреть портрет. Ее медовые глаза не упускали ни одной детали. — Это пришло тебе сегодня утром, — сказала она, протягивая мне пухлый конверт с несколькими дворцовыми печатями.

Мёрси.

— Немного крутился, но я была к этому готова. — Я провела пальцем под клапаном конверта, чтобы разорвать его и достать письмо сестры, но остановилась, наблюдая за тем, как Камилла изучает портрет.

— Красивая картина, — похвалила она. — Не могу поверить, что ему уже пять. Как бежит время!

Сестра смахнула с лица прядь выгоревших русых волос и коснулась уголка глаза, нащупывая несуществующие морщинки, которые, как ей казалось, уже начали проступать.

— Скоро мой день рождения, — напомнила я, стараясь сохранять беспечность в голосе.

Камилла нахмурилась, как будто я ее в чем-то обвинила.

— Я и так помню, Верити.

— Я не имела в виду... Просто... может, мы обсудим, что будем делать в этом году? — Я повернулась на табурете и взглянула на нее. — Я подумала, может, съездить на материк? В столицу? Мерси сказала...

— Мерси тут ничего не решает, — отрезала Камилла, бросив взгляд на конверт у меня на коленях. Казалось, она вот-вот схватит письмо и прочитает

его, но вместо этого она подошла поближе к мольберту и пригляделась к мазкам.

— Она сказала, меня можно представить ко двору, если я хочу. Конечно, другие девушки делают это чуть раньше восемнадцати, но...

Камилла громко вздохнула, и я замолкла на полуслове.

— Я бы с удовольствием представила тебя в шестнадцать, ты же знаешь.

— Да, только я была на Гесперусе и помогала Аннали с малышом, — продолжила я, зная все ее отговорки наизусть. — Но в прошлом году...

— В прошлом году у нас полным ходом шел ремонт восточного флигеля. Не самое подходящее время для долгой затратной поездки.

— Знаю, — ответила я, заправляя прядь волос за ухо. Камилла была готова к спору, и, если бы она начала огрызаться, я бы с ней не справилась. — Я знаю, знаю, знаю. Но сейчас... Дом отремонтирован. Дети достаточно подросли для путешествий. Я уверена, они были бы счастливы увидеть Арканн.

Камилла покачала головой и, отойдя от холста, окинула взглядом комнату, словно искала, что бы исправить. Наконец она подошла к лежанке и взбила подушку так, что она стала напоминать бeze.

— Ну уж нет. Детей мы с собой точно не возьмем. Конечно же, они останутся с гувернанткой.

Я задержала дыхание, и во мне всколыхнулась надежда, словно у утопающего при виде спасательного плота.

— То есть мы... мы все же могли бы поехать? Ты только представь, как будет весело, Камилла! Мы не были на Большой земле с тех пор, как Мерси переехала во дворец. Аннали, наверное, тоже приедет, да и Онор, я уверена, захочет присоединиться. Форесия

не так уж и далеко от столицы, и, может быть, даже Ленор... — Я запнулась, как и всегда, когда речь заходила о ней. Моя третья сестра была для меня загадкой.

— Ленор — это Ленор. Сомневаюсь, что она... — Камилла быстрым движением пригладила волосы, словно убеждая себя, что все в порядке. — Все это, конечно, звучит... Что ж, это могло бы быть весьма приятно, — допустила она. — Но твой день рождения на следующей неделе. Мы никак не успеем подготовиться так быстро. Даже на самом быстром клипере* нам потребуется не меньше дня на дорогу. Может, придумаем что-нибудь осенью? До Прибоя.

Я тут же сникла. Не придумаем. Погода испортится. Близнецы заболеют. К тому времени у Камиллы будет готова дюжина отговорок, ни на одну из которых я не смогу возразить, ведь она старше, мудрее и вообще герцогиня. С ней еще можно было бы спорить при наличии только первых двух факторов, но ее титул производил такое грозное впечатление, словно неприступная цитадель на вершине холма. С зубчатыми каменными стенами. И рвом.

Камилла подошла к высоким окнам с видом на Сольтен. Ее силуэт великолепно смотрелся на фоне мрачного пейзажа, и мне очень захотелось сделать набросок. Я уже представила первые длинные линии с мягкими изгибами, повторяющими контуры ее лилового платья. Какой прекрасный контраст с зубринами скал, которые я могла бы изобразить в виде коротких толстых пиков!

— Нам все же стоит отпраздновать, — наконец сказала Камилла. — Может, устроить праздничный ужин?

* Клипер (от англ. *clipper*) — быстроходный трехмачтовый парусный корабль.

От удивления я не нашлась, что ответить. Если Камилла что-то решила, то переубедить ее труднее, чем отцепить усоногих моллюсков от волнолома.

— Что думаешь? — спросила она, поворачиваясь ко мне и глядя холодным, спокойным взглядом.

— Думаю... звучит отлично! Сколько человек можно пригласить? Мерси говорила, что принцессы хотели бы нас навестить. Весна — отличное время посмотреть на Хаймур. А если придет Беатрис, то и Финнеас, наверное, тоже. Ох! Кронпринц! У меня на дне рождения!

Сердце затрепетало: я вспомнила, как его описывала Мерси.

— Говорят, он без ума от танцев. Может, устроим бал? Не слишком официальный, конечно. Я знаю, сколько с этим хлопот, но, может...

— Довольно! — Камилла резко прервала все мои мечтания. — Ты слишком разошлась, Верити.

— Нет-нет, правда, — заверила я, хотя до сих пор чувствовала жар в груди. Мое воображение частенько убегало вперед, как юный жеребенок, которому хочется мчаться галопом, а ноги пока не поспевают.

— Ты вся покраснелась, — заметила Камилла. — Извини, не хотела вводить тебя в заблуждение. Я имела в виду не масштабное празднество, а скорее семейный ужин. Что-то уютное, для своих. Повар очень хотел попробовать несколько новых рецептов с весенними овощами. Будем мы. И конечно, Аннали с Кассиусом.

— А... да, конечно, — пролепетала я, сжавшись.

Камилла подошла к книжной полке и остановилась у небольшого портрета всех наших сестер. Ну почти всех. В те времена нас еще было восемь.

Изначально нас было двенадцать, но три старшие сестры — Ава, Октавия и Элизабет — погибли одна

за другой после того, как мама умерла при родах, дав жизнь мне. Затем, три года спустя, погибла Эулалия: упала с тех самых скал, которые сейчас разглядывала Камилла. Через несколько месяцев не стало тройняшек — точнее, двух из тройни, — еще один несчастный случай. Розалия и Лигейя. Они оставили Ленор одну — будто набор серебряных приборов без вилки и ножа. Мне было всего шесть, и я не помню их смертей; могу наблюдать лишь итог. Ленор погрузилась в глубины своего сознания и превратилась в живого призрака с пустыми глазами и навеки сомкнутыми губами. Дальше... Папа и Морелла, моя мачеха. Произошел ужасный пожар, поглотивший практически весь особняк. Я могла бы запомнить эту ночь: говорят, тогда была страшная метель, хуже которой не видели за всю историю островов... Но в моей памяти не осталось ничего.

Мое первое воспоминание: солнечный день на Гесперусе, самом маленьком и отдаленном кусочке земли в гряде Соленых островов, где живет вторая по старшинству сестра и хранительница маяка Аннали. Я вместе с двумя другими сестрами, Онор и Мерси, провела там часть детства, пока отстраивался Хаймур. Камилла настояла на том, чтобы сохранить как можно больше старых элементов здания, ведь они доказали свою надежность. Остальное было восстановлено ее усилиями в прежнем виде до мельчайших подробностей. Светло-серые стены высотой в четыре этажа, зеленая двускатная крыша. Два больших флигеля. Зимний сад с пальмами и пруды с карпами. Большой зал для пиров в честь повелителя морей, нашего божественного покровителя Понта. И великолепный сверкающий бальный зал, который почти никогда не используется. Говорят, все точно так же, как в моем детстве, хотя сама я ничего этого не помню.

Камилла и Аннали считают: это хорошо, что у меня не осталось воспоминаний о тех темных, скорбных временах. Они и сами хотели бы забыть о том, сколько боли выпало на долю нашей семьи. Но меня все равно очень смущает этот провал в памяти.

Их лица — папы, мамы, многих моих сестер — дают мне покоя, хотя я совсем не помню их живыми. Повсюду в особняке встречаются их портреты: на стенах, полках, письменных столах и секретерах. Я была слишком мала, чтобы запомнить легкую обаятельную улыбку Эудалии или удивительный красноватый оттенок локонов Розалии, но я могу с ходу сделать точный набросок. Я знаю наизусть каждый профиль и изгиб бровей. Я знаю, как папа задумчиво склонял голову и как сияли мамины глаза, но не помню ни их голосов, ни того, как они пили кофе за завтраком. Смотрели ли мы с папой на облака, лежа на лужайке в теплые ясные дни? Плескались ли мои сестры в ласковых волнах у северного берега? Лежали ли на солнышке, вытянув ноги, которые казались совсем белыми на черном песке?

Мне всегда казалось, что этот дом полон призраков: не духов в белых одеждах и цепях — я вовсе не про сказки, — а украденных воспоминаний. Воспоминаний, которые я никогда не смогу назвать своими.

Камилла поправила раму картины и хлопнула в ладоши, приняв окончательное решение.

— Значит, семейный ужин. Что думаешь?

Она смотрела на меня с нескрываемой надеждой, постукивая кончиками пальцев по бархатной спинке лежанки. У меня не хватило духу возразить ей. И именно поэтому в семнадцать — почти восемнадцать — лет я по-прежнему торчала в Хаймуре, бегала за племянницами и племянником, наблюдала за тем, как они растут, как стремительно бежит

жизнь Камиллы, в то время как я чахну во флигеле. Я была нужна ей. Нужна здесь. Поэтому я постаралась запрятать подальше свои мечты о путешествиях и приключениях, свои амбиции и желания. Однако это оказалось не так-то просто. Они продолжали жить во мне, просить, умолять, требовать большего. Большого, чем этот дом и эти острова. Одному Понту известно, как мне хотелось вырваться на волю!

— Хорошо, — сказала я с вымученной улыбкой. Ради нее. Ради сестры.

— ДАЙТЕ МНЕ ГРЕБЕНЬ, пожалуйста, милая, — попросила Ханна.

Время после ужина — это те редкие мгновения тишины в доме, когда дети уже мирно спят и не болтают без умолку. Дни становились все длиннее, и я уже стала закрывать шторы, чтобы свет угасающего дня не мешал сну. Бархатные портьеры придавали моей спальне особый уют и обеспечивали полную тишину.

Я сидела перед туалетным столиком в длинной ночной рубашке из батиста цвета слоновой кости и любимом шелковом халате, плотно затянутом на талии. Вокруг суетилась Ханна — моя няня, подруга и наперсница; она наводила порядок в комнате и застилала постель. Затем предстояло расчесывание волос и чай. Один и тот же вечерний ритуал на протяжении многих лет.

Ханна сняла гребень, сдерживающий мои темные локоны, и начала перебирать пряди скрюченными пальцами, выискивая последние спрятавшиеся шпильки. Они со звоном падали в большую ракушку для хранения мелочей, которую Арти нашел на пляже прошлым летом. Он старательно, до блеска, отполировал внутреннюю поверхность и преподнес мне в подарок; его круглые щечки буквально раздувались от гордости.

— Мерси написала, — сказала я и наклонилась вперед, чтобы достать из ящичка конверт, который я оставила там перед ужином.

— И как там наша юная леди? — Ханна привычно начала вычесывать кончики волос, стараясь не тянуть спутавшиеся пряди.

Я сломала сургучную печать и достала содержимое конверта: письмо, написанное изящными буквами с завитушками (всего одна страница, в этот раз весьма кратко), и второй конверт с моим именем, написанный незнакомым почерком. Я перевернула его и присмотрелась к печати. Цветочные лианы, обвивающие пламенное сердце.

— Ты знаешь этот герб? — спросила я, протянув конверт Ханне.

— Кажется, это Люди Лепестков. Блём, — ответила она.

Блем — это малюсенькая область почти в самом сердце Арканнии. Жители этого региона поклонялись Арине — богине любви, красоты и искусств, поэтому Блем считался самой изысканной частью страны с самым образованным населением, и даже столица не могла с ним сравниться по количеству театров, салонов и модных домов.

Интересно, что же в письме?.. Я задумчиво провела пальцем по печати. Пурпурный оттенок воска — символ аристократии.

— Я ведь не знакома ни с кем из Блема, не так ли? Ханна нахмурилась:

— Что-то не припомню. Возможно, письмо Мерси многое объяснит.

Кивнув, я отложила конверт и взяла в руки письмо сестры.

— «Дорогая Верити, — прочитала я вслух. — Вчера ты пропустила самый прекрасный вечер на

свете. Было столько гостей! В моей бальной карточке не было ни одной свободной строки, но мне все же удалось немного пообщаться с принцессой Беатрис (правда, мы, конечно, делали вид, будто просто веселились). Ну да ладно. Порой мне кажется, что эта девушка сведет меня с ума своим очарованием. Среди гостей были герцог и герцогиня Блема, Жерар и Дофина Лоран. У них есть роскошные апартаменты в Арканне и фамильное имение Шонтилаль, неизъяснимо прекрасное в своей меланхоличности и упадке. Лавандовые поля, небольшие холмы и долины... Просто пастораль. Тебе бы понравилось.

Я остановилась и на мгновение представила, как здорово было бы отправиться в путешествие по королевству. Мерси, казалось, проводила большую часть жизни в путешествиях с королевским двором в качестве компаньонки принцесс, но при этом у меня не возникало ощущения, что это такая тяжелая работа, как утверждала Камилла.

— «Вчера Дофина, — продолжила я, — зашла ко мне без предупреждения, и мы выпили чаю. Ей очень понравились твои картины, которые висят у меня: маленькая с рассветом над Селкирком, приливная заводь с этим очаровательным крабиком и, конечно же, мой портрет. Она много спрашивала о твоих работах и невероятно обрадовалась, что я так хорошо знакома с автором».

— Только послушайте! — сказала Ханна, проводя гребнем по моей макушке. — Вашими картинами восхищается герцогиня!

Я прикрыла глаза, на мгновение сосредоточившись на ее ласковых прикосновениях, а затем продолжила чтение:

— «За ужином я сидела рядом с герцогом — такой приятный господин в летах! — и он спросил, могу ли